

Е. Н. САЛЫГИН

Теократические тенденции современной государственности

Перед многими странами, получившими возможность самостоятельного развития после распада колониальных империй и государственных союзов, с особой остротой возникает проблема государственности. В переходные периоды напряженно осмысливается историческое прошлое государств, пересматриваются духовно-нравственные ориентиры общества. Осознание национальной культуры, этнических и конфессиональных ценностей, повышенный интерес к истокам государственной власти, к традициям и верованиям отражаются на функционировании социальных структур, политических институтов, правовой системы. Тенденции, наблюдаемые в настоящее время в сфере государственного строительства ряда стран, можно охарактеризовать как теократические.

Под теократией понимается форма государства, где политическая и религиозная власть сосредоточена в руках одного человека — главы духовенства, признаваемого в качестве «земного божества», «первосвященника» и т. д. В современном понимании теократия — исторический анахронизм, уходящий корнями к началу возникновения государств Азии, Африки, доколумбовой Америки, так как именно здесь становление политической организации происходило под сильным влиянием религиозной идеологии. Последняя узаконивала господство племенных вождей, наделяя их сакрально-мистическими свойствами как божественных преемников, получающих властные полномочия свыше. Цари Древнего Востока и Америки были одновременно верховными жрецами, военачальниками и светскими правителями.

«Второе дыхание» феномен теократии обрел с рождением христианства и мусульманства. Религиозный идеал государственного устройства воплотился в практике Западной и Восточной Римской империи, в образе исламского халифата. Римский папа, император Константинополя, имам-халиф олицетворяли соединение духовного и светского, человеческого и божественного. Главной задачей «небесных наместников» была реализация священных предписаний, устройство мира «дольного» подобно миру «горнему». Теократичность — характерная черта государств того времени.

Начавшаяся в эпоху Реформации в Западной Европе секуляризация всех сторон действительности, в том числе и политики, к XX веку стала универсальным принципом общественной жизни. В настоящее время многие страны закрепили в своих конституциях светские основы государственной власти. Это выражается в формальном отделении церкви от государства, религии от идеологии, в отношении невмешательства конфессий в деятельность государственных органов, должностных лиц, в функционировании системы общеобязательного

образования. Светский характер имеет Конституция 1993 года Российской Федерации, где запрещается устанавливать любую религию в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Светские начала политики позволяют обеспечить свободу совести и вероисповеданий, автономию религии и секуляризацию государственной власти [1].

Однако теократия как первая фаза становления государственно организованных обществ не прекратила своего существования, не растворилась окончательно в последующих политических формах. Ее структурные компоненты и теперь служат выполнению социальных, экономических, геополитических задач, способствуют достижению общественно значимых целей.

Более того, теистические идеологемы и религиозные стереотипы превращаются в активный элемент общественно-политической жизни. В данной связи можно говорить о своеобразной волне религиозного возрождения, вызванной поворотом общественного сознания в сторону культуросоцентричности и смещением акцентов в направлении этнорелигиозной самобытности. Под ее влиянием политические институты получают черты цивилизационной идентичности, насыщаются элементами традиционно-конфессиональной среды.

Научный подход к проблеме теократизации политических процессов предполагает определение понятия и выделение признаков теократического государства, а также выявление и анализ взаимопроникновения составляющих государственности и моделей божественной парадигмы власти. Рассмотрим теократическую концепцию и проследим формы ее воплощения в практике современных политических режимов.

Ученые к теократическим государствам настоящего времени относят, как правило, Ватикан и Иран, где организация публичной власти возглавляется лидером духовенства. Остальные страны, по мнению исследователей, освободились от религиозных начал политического устройства [2].

С этим нельзя согласиться. Определение теократии в качестве формы государства, основанное на анализе соотношения духовной и светской власти с учетом общественно-политического статуса главы государства, является недостаточным. Теократия — понятие, применяемое не только к публичной администрации, но и ко всему комплексу социальных отношений.

В широком смысле теократическое государство — это способ межличностного общения, управления и контроля над населением, особым образом функционирующие экономическая, социальная, политическая, правовая, духовная системы общества. Теократия может выступать идеалом социального устройства, базирующегося на соответствующих мировоззрении и ценностях, служить ориентиром, имеющим нормативное значение. В юридическом смысле теократическое государство — определенный тип политической организации общества с присущей ему спецификой аппарата управления, функций и методов властвования, способов связи населения с органами государства. Таким образом, при исследовании политико-правовой действительности и выявлении теократических тенденций современного общества необходимо обращать внимание не только на структуру верховного управления, но и на взаимодействие аппарата власти с социальными институтами (в первую очередь, с церковью и религией), на основные направления деятельности государства, а также на вырабатываемые господствующей идеологией типы мышления и поведения, программы социально-го действия.

Рамки настоящей статьи не позволяют затронуть все перечисленные аспекты теократии и рассмотреть их воплощение в реальной политической действительности. Поэтому ограничимся анализом ключевых моментов божественного правления, которые характеризуют комплекс политических отношений. К ним относятся: суверенитет, власть, права человека, положение религиозных общин и церкви в системе социальных институтов государства, а также роль идеологии в структуре нормативного регулирования общества.

Теократическая модель общественно-политического устройства суверенным обладателем власти предполагает верховное божество, делегирующее прерогативы правления на Земле особо предназначенным к тому лицам, которые удостоиваются прижизненно или посмертно титулом «бога», «сына бога», «божественного преемника». Следуя данной традиции, Конституции Пакистана и Ирана в русле мусульманской концепции власти закрепили «вселенский» суверенитет за Аллахом, а за народом — «земной», неполный и производный от первого. Он передается государству, представленному единовластным правителем. Хотя Основной закон таких стран, как Тунис, Марокко, Египет, провозглашает народный суверенитет и разделение властей, использование в качестве главных жизненных принципов (в том числе в политике) догм ислама, не знающих народо-властной и парламентского представительства, превращает эти статьи в фикцию.

В большинстве государств мусульманского региона действуют органы, только внешне напоминающие парламенты. Согласно исламскому правилу аш-шура (совещательности), их функция — давать консультации главе государства. А в Омане, Саудовской Аравии представительная власть вообще отсутствует.

Из теории божественного суверенитета, противоположной идее национальной независимости и народному правлению, логически следуют примат государства перед обществом, авторитарность политического режима, этатизм, отчуждение власти от народа, низведение индивида до положения пассивного объекта господства. Концепция вселенского государства верующих без национальных границ, реализующаяся в практике современных политических режимов, провоцирует вмешательство во внутренние дела государств, а также военные интервенции и террористические акты в отношении независимых субъектов международной политики.

Стержневой элемент теократии — обожествление фигуры правителя. Глава священного государства наделяется сверхчеловеческими способностями предвидения, непогрешимостью, непрерываемой авторитетностью. Лежащее в основании религии иррациональное чувство веры преломляет видение политических реалий, привнося в него элементы мистичности и таинственности.

Наиболее ярко процессы персонализации и сакрализации власти проявляются в традиционных общественных системах, где мифический образ «всемогущего повелителя» с древних времен покоится в глубинах коллективного подсознания.

Так, лидеры России, будь то великие князья, цари, генеральные секретари либо президент, окружались ореолом благодати, им приписывалось обладание особыми дарами мудрости, что обеспечивало выбор единственно верного решения и способствовало могуществу и процветанию государства. Обожествление власти весьма ощутимо в азиатских странах ближнего зарубежья России. Официальная пропаганда, искусственно поддерживая харизму светского лидера, возрождает традиционное представление о монархии — самом «легитимном» политическом институте, символизирующем национальную сплоченность и преемственность.

Теократическая государственность соседствует с правовым нигилизмом. Публичная администрация связана не столько правом, сколько религией. Священный правитель в теократическом государстве превышает законов, так как он и есть олицетворение права и божественной справедливости, «живой» источник провиденциальной воли.

Регламентация социальной жизни не правовыми средствами, а религиозными предписаниями и в настоящее время присуща мусульманским странам. Например, Оман, Ливия, Саудовская Аравия обходятся без конституции. Ее роль выполняет Коран. Во многих исламских государствах, имеющих Основной закон, высшая юридическая сила признается тем не менее за Священной книгой, а шариат становится главным источником законодательства. Монархи и президенты этих стран, обладающие значительной властью (к тому же в силу традиций и религии гораздо большей, чем по тексту писаного закона) [3], своими актами могут вносить изменения в конституцию. Подобная практика оборачивается нестабильностью конституционного права и деформацией правовой системы в целом.

Теократическая парадигма власти, реализующаяся в политических режимах ряда государств, санкционирует жесткую иерархию и централизацию государственного аппарата, сосредоточение огромных полномочий у главы государства, бесконтрольность администрации. Эти негативные факторы не могут быть устранены, так как концепция божественного правления не предусматривает разделения властей и системы сдержек и противовесов. В настоящее время деспотические и абсолютистские формы правления сохраняются почти в первоизданном виде в Иране, Ираке, Ливии и других государствах Азии и Африки.

Концентрация больших полномочий в руках политических лидеров характерна и для восточных республик бывшего Советского Союза, в том числе и для некоторых субъектов Федерации России. Безусловно, централизация власти определяется объективными потребностями внутригосударственной интеграции, необходимостью создать эффективный хозяйственный комплекс и политико-правовой механизм. Однако не последнее место в данной ситуации принадлежит культурно-конфессиональным особенностям соответствующего региона и национальной исторической традиции. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Чеченской республике, где прежнее руководство предприняло попытку построить исламское государство. Здесь возродились основанные на шариате внеправовые, внесудебные экзекуционные формы разбирательства, обычаи «священной войны» — джихада.

По своей природе теократия, предполагающая подчинение всех сфер жизнедеятельности религиозному началу, принципиально расходится с идеалами свободы выбора, правами человека. Она способна обеспечить определенный социальный статус индивидов, стабильность общественных процессов и преемственность институтов власти, но подавляет инакомыслие, свободу совести, слова и т. д.

В соответствии с религиозной догматикой государство запрещает менять вероисповедание (Ливан, Непал), женщинам участвовать в управлении делами государства (Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Иран), возлагает обязанность защищать религию (ЙАР), платить традиционный мусульманский налог — закят (Саудовская Аравия, Пакистан)..

Волна исламского духовного возрождения, охватившая регионы мусульманского мира, повернула наметившиеся во многих странах Азии и Африки процессы секуляризации общественной жизни в противоположную сторону. В системе социальной регуляции наблюдается усиливающееся влияние на поведение людей традиционно-религиозных стереотипов. Например, в некоторых мусульманских странах религиозное вероучение за совершение отдельных преступлений санкционирует применение телесных наказаний в виде публичной порки, отсечения кистей рук, избивания камнями. Подобные методы борьбы с преступностью, возможно, более эффективны, но назвать их правовыми, конечно, никак нельзя, ибо право не только средство, должным образом упорядочивающее общественные отношения, но и ценность, обладающая собственным содержанием.

Времена церковно-государственного управления и религиозно-правовой регламентации общественной жизни в Европе также сопровождалась произволом инквизиции, гонением на ведьм, преследованием еретиков. Ответом на теократические и абсолютистские режимы стали политико-правовые доктрины, утверждавшие идею естественного права, разделения властей, принципы гуманизма. Правовые системы европейских государств обогатились законодательными положениями, закрепляющими верховенство права, особую роль закона в регулировании наиболее важных вопросов государственной политики, презумпцию невиновности. Впоследствии эти нормы отразились в законодательстве других стран, а также в международном праве.

Существующие неправовые способы судебного разбирательства, телесные наказания противоречат международным стандартам в области прав человека, нарушают естественные права на жизнь, честь и достоинство, неприкосновенность личности. Охватывая все большие территории, исламизация в процессах государ-

ственного строительства увеличивает религиозные тенденции, возвращающие страны к периоду племенного состояния.

Теократизация государственной власти, питающаяся «доисторическими» представлениями, изменяет привычный ход времени, обращая его вспять. Настоящее непосредственно переживается как разрешение земного существования. Жизнь в теократическом государстве подчинена не ритму часового механизма, она находит свое оправдание лишь в вечности. Абстрактно воспринимаемое календарное время делается событийным без различий между мгновением и вечностью. Характерной чертой теократического государства, таким образом, становится не только территориальная, но и временная организация жизнедеятельности людей.

К важным признакам теократического государства следует отнести религиозную идеологию. Она буквально пронизывает всю иерархию управленческих отношений, проникая во все поры бытия. Общеобязательность духовных правил способствует превращению религии в мощную систему социально-нормативного регулирования. Религиозная идеология, институционально оформляясь в самом государстве, вытесняет политику, подчиняет ее себе. Исполнение религиозных императивов провозглашается гражданской добродетелью, неповиновение властям рассматривается как религиозное ослушание, а нарушение священных правил — как преступление.

Сегодня подобная ситуация сложилась в государствах, где основным источником права является шариат. Так, законодательство Сирии, Кувейта, Египта и некоторых других стран установило ислам в качестве государственной религии. В Алжире и Египте условием легализации партии считается утверждение последней исламских ценностей. А в Иордании, Бутане, Непале, ОАЭ и в Саудовской Аравии создание партий категорически запрещено.

Возникший после крушения коммунистической доктрины мировоззренческий вакуум во многих республиках бывшего СССР и развивающихся социалистических странах заполняется религиозной идеологией. В России к религиозной стороне жизни, особенно в пылу избирательных кампаний, апеллируют и правящая элита, и национал-патриотические силы, и непримиримая оппозиция.

К существенным чертам теократии относится слияние государства и религиозных организаций. Богатая историческая практика демонстрирует устойчивый, особенно на начальных стадиях образования политических обществ, симбиоз духовного и светского. По такому формальному критерию, как способ взаимодействия публичной администрации и церкви, теократия отличается от других типов общественно-политического устройства.

Нередко религиозные общины вносят значительный вклад в создание властных структур и восстановление утраченной государственности. Даже без важнейших элементов политической целостности церковь может выполнять функцию объединителя наций. Так, на протяжении веков отсутствия государства у армян Армянская апостольская церковь была главным интегрирующим институтом общества. Немало для освобождения народа от монгольских завоевателей и построения русского централизованного государства сделала и Православная церковь.

Политическое партнерство «мира нетленного» и «царства земного» взаимовыгодно. Заручиться поддержкой конфессий в сегодняшней политической ситуации стремятся правительства многих стран. Пытаясь добиться признания и доверия, государственная власть апеллирует к духовным ценностям, религиозным традициям, носителем которых выступает церковь. Поэтому для обретения устойчивости «граду земному» необходимо найти опору в «граде божьем». Церковь же от данного сотрудничества получает дополнительные возможности воздействовать на паству через государственные структуры и идеологию; ей также предоставляются юридически закрепленные и охраняемые публичной властью льготы и преимущества для целей собственного промысла, порой далеко не божественно-

го свойства. Это позволяет оттеснить конфессиональных конкурентов и укрепить материально-финансовое положение духовных учреждений.

Сегодня одна из главных ролей в политической жизни стран Латинской Америки принадлежит католической церкви. Под ее влиянием находится не только политическая система, но формируются национальная культура и характер народов континента [4]. Обладая солидными денежными ресурсами, церковь имеет собственные книгоиздательства, газеты, журналы, теле- и радиостанции. В Аргентине, Панаме, Бразилии она содержит за свой счет сеть образовательных учреждений, дополнительно проводя занятия по религии и в государственных школах. Брак, заключаемый в церкви с выполнением некоторых обязательных требований, тождествен в данных странах гражданскому. Доходы церкви в Аргентине освобождены от налогообложения. А в Бразилии священнослужители, за исключением членов орденов, могут находиться на государственной службе.

Прочно укоренившиеся в народном сознании религиозные институты служат цементирующими основами национального единения и консолидации. Важное положение восточноправославной церкви в государственной сфере отразили Конституции Болгарии и Греции, католической церкви — Конституции Панамы и Боливии. Первоочередными мероприятиями бывших республик СССР и прежних социалистических стран Восточной Европы, кардинально покончивших с атеистическим прошлым, стали восстановление религиозных храмов и культовых зданий, а также возвращение ценностей, ранее принадлежавших религиозным общинам.

В России, где проблема взаимоотношений Православной церкви и государства была всегда актуальной, строительство Храма Христа Спасителя получило общегосударственный масштаб. Возведение этого комплекса в период государственных преобразований, экономических трудностей и социально-политической нестабильности знаменует духовное единство и конфессиональную общность народа.

Теократичность государственного бытия обнаруживает себя, когда правительство проявляет пристальное внимание не только к государственно-церковным вопросам, но и к внутриконфессиональным проблемам. Конституция Панамы, например, гласит, что католическая религия — «религия большинства панамцев», и отправление культов, исповедание другой веры допускаются в пределах уважения к христианской морали и общественного порядка. Основной закон Боливии предусматривает государственную поддержку римско-католической апостольской религии при гарантированной возможности проповедования другой веры, а президент наделен правом осуществлять государственную опеку над духовными организациями, назначать на должности церковных иерархов, выдвигать кандидатуры архиепископов и епископов.

Избрание главы церкви в Армении, похороны патриарха Владимира в Киеве, переход Эстонской митрополии под юрисдикцию Константинопольской патриархии, вызвавшие широкий общественный резонанс, а также такие детали российского политического ритуала, как церемонии с участием главы государства и представителей духовенства, публичные отправления культов государственными деятелями во время религиозных празднеств, наглядно показывают, что и при законодательном закреплении принципа отделения церкви от государства соблюдение данного положения вызывает трудности.

Однако положительные результаты от церковно-государственного сотрудничества появляются лишь при выполнении требований светского государства, когда религиозные общины не претендуют на самостоятельность в политическом процессе. Таковы, например, акции духовных лиц в сфере культуры, образования, благотворительности, посреднические и миротворческие функции религиозных организаций во время конфликтов и т. д.

Попытки же конфессий заниматься политикой приводят к упадку духа и нравственного авторитета церкви. Поглощенность сиюминутными делами, погруженность в мирскую суету лишают религиозную веру смысла.

Наметившиеся в государственных режимах теократические тенденции не-

гитивно сказываются на функционировании политической системы общества. Полноценному межнациональному политическому диалогу, обеспечению народо-властия, прав и свобод, достоинства личности способствует взаимодействие религии и государства, церкви и политики, основанное на светских началах власти, так как социально-политические процессы современной цивилизации не могут быть поняты и осмыслены с позиций религиозного откровения и нуждаются в мировоззренческом подходе, базирующемся на рациональной логике, здравом смысле и прагматизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства. М., 1995. С. 173.
2. Политология. Энцикл. слов. М., 1993. С. 370.
3. Конституционное право развивающихся стран. Основы организации государства. М., 1992. С. 20.
4. Политические системы стран Латинской Америки. М., 1982. С. 44.

© Е. Салыгин, 1996